

ДИБА ЗАРГАРПУР

ФАРРА
НУРЗА
— И —
КОЛЬЦО СУДЬБЫ

© Deeba Zargarpur, 2024.

This edition published by arrangement with Laura Dail
Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency.

Копирование, тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

Посвящается Арзу.

*Всё, что я делала, делаю
и буду делать, — это всё для тебя.*

Дорогой читатель!

Маленькой девочкой меня часто уносило в мир фантазий. Я то и дело сочиняла неправдоподобные истории, под коврами искала заколдованные миры, а жители волшебных королевств казались мне пленниками, запертыми в зеркальных отражениях. Я верила в существование мира, сокрытого от человеческих глаз, где обитают проказливые джинны¹ и нежные пери², а симурги³ парят высоко в небесах. Сердце подсказывало, что однажды в мою жизнь войдёт магия. Однажды я открою в неё дверь, и ветер приключений подхватит меня и унесёт прочь от реальной жизни, расколовшейся после развода родителей. Если не в реальном, то хотя бы в том, волшебном мире у меня получится обрести настоящий дом, в котором я наконец-то найду своё место.

Предвкушая захватывающее приключение, я решила заранее записать все подробности будущих странствий, какими они мне представлялись. Я стала описывать, каково это будет оказаться частью таинственного, волшебного места, где мир людей граничит с другим, невидимым миром. Зачарованно слушая истории о мифических существах: фениксах, феях, драконах и джиннах, — я погружалась в мир фантазий. И тогда я дала волю своему воображению. Год

¹ *Джинны* — существа, характерные для ближневосточного и вообще мусульманского фольклора. В представлениях различных народов отличаются большим разнообразием видов и форм. Основная присущая им черта — умение эффективно менять облик и скрываться от взора человека (*здесь и далее — примеч. научн. редактора*).

² *Пери* — в иранской мифологии существа в виде прекрасных девушек, своеобразный аналог европейских фей.

³ *Симург* — птицеподобное существо из иранской мифологии, царь всех птиц.

за годом я переносила тот мир на бумагу, воссоздавая его по крупицам. Я придумала место, где особенным мог стать даже ребёнок из неполной семьи. Место, где все части моей смешанной идентичности, причудливо сплетаясь, образовывали гармоничное целое. Место, где можно быть собой, без необходимости оправдываться и играть роль. Я и представить не могла, что благодаря этому месту и появится мир Фарры Нурзы.

Работа над этой историей стала для меня началом невероятного путешествия. Во многих смыслах Фарра оказалась моим спасением. Она сумела добраться до самых глубин моего сердца и разыскать там двенадцатилетнюю девочку, которую я когда-то потеряла. Фарра научила меня не бояться рисковать и без оглядки идти вперёд, показала, в чём заключается истинная сила. Благодаря ей я поняла, что нет ничего зазорного в том, чтобы попросить помощи, особенно когда тебе тяжело.

Но прежде всего она открыла мне, как это важно — быть кому-то нужным, быть для кого-то особенным, и научила дорожить людьми, которые дарят тебе это чувство.

Дорогой читатель, независимо от того, на каком этапе своего жизненного пути ты сейчас находишься, я хочу, чтобы ты помнил: всегда есть истории, способные вдохновить и поддержать. Продолжай их поиски. Будь то история о Фарре или любая другая — неважно. Главное, не переставай искать место, где ты нужен, где тебя ценят, где ты, наконец, обретёшь свой дом.

И помни: ты всего в шаге от своего величайшего приключения.

С любовью и шепоткой магии,
ДИБА ЗАРГАРПУР

ГЛАВА 1

ХУДШИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Поначалу, когда Падар⁴ брал меня на скалодром, он то и дело выдавал что-то вроде: «Чтобы обрести настоящую свободу, нужно посмотреть страху в глаза».

Не знаю, можно ли назвать свободой тот момент на скалодроме, когда он, споткнувшись о спутанную верёвку, отпустил на миг страховочный трос и я, пролетев метров шесть, чуть было не разбилась.

Мне тогда едва исполнилось шесть, но какой ребёнок в этом возрасте знает значение слова «метафора»? Или знаком с правилами безопасности на скалодроме, одно из которых гласит: «Родителям категорически запрещается отпускать страховочный трос юного альпиниста. Нарушение карается пожизненным отстранением от занятий скалолазанием».

К слову, с тех пор мы ни разу не посещали тот скалодром. Но, пожалуй, это даже к лучшему. Я давно не нуждаюсь в папиной страховке. Верёвку держу

⁴ *Падар* — слово для обозначения отца в персидском языке.

теперь я сама, и страх упасть меня больше не преследует.

Это как раз то, что нужно в такой день, как сегодня. Пальцами вцепилась в трещину огромного камня, носками ног упёрлась в узкую расщелину. От падения меня удерживает только собственная сила и умело расположенные точки страховки. Мне нравится думать, что мы с гравитацией ведём бесконечную борьбу, из которой я всегда выхожу победителем. Я карабкаюсь вверх. Когда глаза оказались на одном уровне с верхушками деревьев, улыбнулась. Здесь, наверху, начинаешь верить в чудеса: в летающих среди листвы пери, в коварных лесных духов, подстерегающих заплутавших путников. Даже такое чудо, как встреча с отцом, которого почти никогда не видишь, кажется реальным.

Мельком посмотрела вниз, на парк «Уиссаикон-Вэлли» — одно из моих самых любимых мест для скалолазания в Пенсильвании. У нас с папой есть традиция: на каждый мой день рождения выбирать новое место для альпинизма (пусть в декабре и бывает жутко холодно, но я не из тех, кого остановит ветер или испугает потрескавшаяся кожа). В перерывах между ежегодными путешествиями я оттачиваю навыки где только придётся: карабкаюсь по стене нашего дома, прыгаю с одной пожарной лестницы на другую, а чтобы улучшить хватку, свисаю с крыши школы, цепляясь за карниз одними пальцами рук и ног (мало ли что может случиться).

С такой высоты моего отца запросто можно принять за муравья-переростка, который выделяется на фоне собратьев не только большим размером, но и густыми, мохнатыми бровями, образующими почти одну сплошную линию. Его лицо расплылось в подбадривающей улыбке. Я застенчиво улыбнулась в ответ. Папа смотрит,

как я карабкаюсь, и внутри меня всё переворачивается. Я как будто бутылка газировки, которую только что встряхнули. Переполюющее чувство ликующего восторга вселило уверенность, что мне всё по плечу.

«Приготовься открыть рот от восхищения, Падар».

Я хотела показать ему трюк, который тренировала, начиная с прошлогодней совместной поездки. Держась одной рукой за верёвку, я резко оттолкнулась ногами от расщелины и на мгновение взмыла в воздух, словно феникс невероятной красоты из персидских легенд, сказочный симург. Я представила, будто у меня крылья, и описала широкую дугу, пока верёвка раскачивалась из стороны в сторону. Готовилась ухватиться за ближайший выступ скалы. В этот момент из моей поясной сумки вылетели кусочки мела и упали папе прямо на лицо.

— Ой, прости!

Я в панике начала махать руками, а из сумки высыпалась новая порция мела. Тело потеряло равновесие, начало крениться влево, и я не успела ухватиться за выступ. Плечо с хрустом ударилось о край скалы, в глазах потемнело от боли.

«Только не это, только не это».

Над головой раздался треск.

Всё моё величие мифического феникса испарилось. В довершение всех бед с лица Падара исчезла улыбка.

— Фарра, хватит дурачиться! Возьми себя в руки! — сказал он строго. — Вспомни наши уроки! Проверь верёвку и карабины.

От переполювавшего меня чувства восторга не осталось и следа. Щёки горят, ладони покрылись потом. *Уроки*. Казалось, вся моя жизнь — один сплош-

ной урок. Как же хочется, чтобы он хоть раз заметил не только мои ошибки! Уже представила, как он говорит: «Ты большая молодец, Фарра. За последний год ты стала намного сильнее. И я бы очень хотел видиться с тобой чаще».

Последняя мысль промелькнула в голове прежде, чем я успела её отогнать.

«Так, Фарра, соберись, — тут же одёрнула я себя. — Тебе уже двенадцать. В двенадцать лет отцы не нужны».

Я продолжила восхождение, не обращая внимания на крики Падара, который велел мне спускаться. Подъём, карабин. Подъём и снова карабин. Чем дальше от земли, тем свободнее я себя чувствую, тем меньше дурных мыслей лезет в голову, уступая место радости, когда видишь солнце, небо и вдыхаешь свежий лесной воздух.

Арзу Ахмади, моя лучшая подруга и неизменная соратница во всех авантюрах, уверена: стоит мне завести страничку в соцсетях и начать выкладывать туда свои рисунки и работы по каллиграфии (да ещё и в формате ASMR), как Падар тут же придёт в восторг и решит видиться со мной чаще.

«Кому нравится оставаться в стороне?» — воскликнула Арзу, перед тем как выполнить колесо, рондат, а затем эффектное сальто назад с винтом.

Возможно, она права. Если бы только Падар увидел, как много я теперь умею... Всё бы изменилось. Я уверена в этом. Он бы перестал меня прятать. А может быть, тогда не он приезжал бы ко мне, чтобы встретиться, а я сама полетела бы к нему в Абу-Даби.

Карабкаясь вверх, я вдруг услышала оглушительный крик, а затем увидела, как прямо на меня летит птица.

— Не отпускай! — завопил Падар, но было уже слишком поздно.

Карабин заело, верёвка болталась, острая боль пронзила плечо, и пальцы соскальзывали. Я не смогла удержаться и стремительно полетела вниз. Во время падения произошло то, чего боятся все скалолазы: моя верёвка начала выскальзывать из всех карабинов. Один, второй, третий...

— Нееееееееееет! — закричала я, с каждой секундой всё быстрее падая вниз.

Волосы хлестали по лицу. Я ничего не могла сделать и продолжала лететь вниз. Земля приближалась, я уже успела пролететь три... шесть... девять метров.

— Ааааааааааа!

Зажмурилась и следующие пять секунд молилась. «Обещаю делать все уроки вовремя. Помогать Мадар⁵ убираться на кухне. Перестать подшучивать над дедушкой Хаджи-Бабой⁶».

Видимо, кто-то наверху услышал мои мольбы, потому что последний карабин сработал и меня рывком остановило в полуметре от земли.

Перед глазами всё плыло и кружилось, а тело ломило от боли так, словно я побывала чьей-то боксёрской грушей. Я отстегнулась и, задыхаясь, упала на спину в грязь.

— О чём ты только думала? — Разгневанное лицо Падара загорело солнце. — Почему ты меня не слушаешь? Это было жутко опасно. Безрассудно. Ты могла покалечиться! Кошмар!

⁵ *Мадар* — слово для обозначения матери в персидском языке.

⁶ Имя дедушки главной героини «Хаджи-Баба». *Хаджи* здесь обозначает титул, который получают мусульмане, совершившие паломничество в Мекку (*хадж*). *Баба* — обозначение отца, старца или главы семьи в персидском языке.

Я поднялась на ноги. Знакомое бурлящее чувство вернулось, но теперь оно ощущалось иначе. Вот тебе и всё восхищение.

— Я в порядке. Бывало и хуже.

Однажды я стояла на пожарной лестнице, готовая к прыжку, как вдруг одна из ступенек под ногами обломилась, и я полетела вниз с высоты четвёртого этажа и приземлилась прямо в мусорный бак.

— Во время падений ни разу ничего не сломала.

Да и вообще ни одного перелома *за всю жизнь*, но я промолчу, иначе это прозвучит странно. Мне нравится думать, что неуязвимость — моя суперспособность. В любом случае она помогает переживать трудные времена. Особенно когда приходится иметь дело с разочарованным отцом. Смахнув с одежды налипшую грязь, я нервно собрала волосы в хвост.

— Дай, пожалуйста, мой телефон.

— Ты едва не погибла, а первое, о чём ты про-
сишь, — это телефон?

Падар, казалось, вот-вот взорвётся.

— Нам нужно поговорить. Ты перешла все границы!

Я огрызнулась:

— Вообще-то я постоянно тренируюсь в зале...

— Очевидно, недостаточно, раз ты не заметила, что привязала верёвку к карабину неправильно.

Тревога! В моём взгляде появились предупреждающие знаки, но я ничего не могу с собой поделаться. Слова неудержимо рвутся наружу, словно пузырьки в бутылке газировки, которую только что встряхнули.

— Откуда тебе знать, если тебя никогда нет рядом? — выпалила я. — Будь ты рядом, ты бы знал, что я намного сильнее, чем ты думаешь!

Я развернулась и зашагала прочь от отца. Подня-

лась по ухабистой тропинке — любимая синяя поясная сумка бьётся о бедро.

Падар нагнал меня и заключил в объятия.

— Прости. Ты права.

Он начал запинаться. Его густые брови хмурятся, как всегда, когда он собирается сказать что-то неприятное.

— Я бы хотел всё изменить, но ты знаешь правила.

Правила. Ещё одно слово из того же разряда, что и «уроки». Я скорее залпом выпью лимонный сок, смешанный с безвкусным миндальным молоком, или тёплый, прокисший айран — что угодно, лишь бы не слышать про правила.

В отблесках заката не заметно, что я хмурюсь.

— Разве я заслуживаю того, чтобы меня упрекали, если ни в чём не виновата?

Я вырвалась из его объятий, хотя мне этого совсем не хотелось.

— Пойдём, скоро стемнеет, нельзя терять ни минуты. Нужно успеть добраться до самой интересной части маршрута.

Облегчение Падара стало слишком заметно, стоило мне сменить тему. Он тут же завёл разговор о том, что произошло у него в жизни за прошедший год. Он работает судьёй в Арабских Эмиратах, поэтому почти всегда занят. Я по-прежнему слышу всё те же дежурные фразы про «бесконечную работу», «нехватку времени», «желание это время остановить» и коронное: «Подрастёшь — и всё поймёшь».

— Да-да, — ответила я, пиная камни под ногами. — Знаю.

Мой народ предпочитает придерживаться традиций. Мы не любим отступать от устоявшихся обыча-

ев. Поэтому, когда у совсем юных Падара и Мадар, не связанных брачными узами, родилась я — они совершили тяжкий грех, «харам». Рождение ребёнка вне брака у правоверных мусульман считается, мягко говоря, недопустимым.

По этой причине я живу с Мадар и бабушкой с дедушкой сколько себя помню. В этом нет ничего плохого, если не считать запаха старости. Падара ещё до моего рождения женили на ком-то, кто чтит установленные порядки, поэтому мы никогда не жили под одной крышей. Похоже, любовь к правилам у Падара в крови (яблоко от яблони, иначе не назовёшь). Но иногда мне кажется, что дело не только в этом. Как будто между родителями что-то произошло, о чём мне не рассказывают. Но я делюсь этим не для того, чтобы вызвать жалость.

Мне всё же крупно повезло — у меня есть Арзу, и она живёт всего лишь в десяти кварталах от меня. К тому же она такая же мусульманка и американка афганского происхождения, как и я. Так что она понимает меня.

Если здраво смотреть на вещи, то всё не столь безнадежно. В конце концов, я вижу Падара хотя бы на свой день рождения. Лучше так, чем совсем ничего.

— Ну что за кислая мина? У тебя такое лицо, будто ведро лимонов съела. Улыбнись, а то защечочу.

Падар подкрался сзади, но я резко отскочила и увернулась от его рук. Я не могла сдерживать улыбку. Падар знает, что я всегда готова принять вызов.

— Сначала поймай меня, если сможешь!

И вот я уже мчусь со всех ног по истоптанной тропе, отмахиваясь от хлещущих по лицу веток и лиан, и слышу позади смех Падара и тяжёлую поступь его шагов.

На мгновение я представила, будто мы удираем от целой армии эльфов и я веду всех к спасению. Боль в мышцах подстёгивала ещё быстрее и неудержимее нестись вперед, пока я наконец не оказалась на прогалине и не остановилась на краю обрыва.

— Я первая!

С победным кличем бросила сумку на землю.

— Нечестно! С такой поклажей, как у меня, и черепаха обгонит!

Падар бросил на землю мотки верёвки, ботинки и рюкзак. Он разминал спину, наклоняясь то в одну, то в другую сторону.

— Староват я для таких забегов.

— Давай без оправданий!

На цыпочках подошла к краю выступа, который отвесной стеной обрывался на добрых пять метров вниз. Ветер свистел в ушах и играл с моими волосами. Лес простирался так далеко, будто манил нас исследовать все его уголки и открыть самые сокровенные тайны.

Солнце уютно устроилось у горизонта, готовясь уступить место луне, в преддверии самой длинной ночи в году. Наш день подходил к концу. Я вернусь домой, к Мадар, чтобы завершить празднование Шаб-е Ялда⁷, а Падар всего лишь... отправится к своей настоящей семье и исчезнет на триста шестьдесят четыре дня. Я села и обхватила колени руками. В животе, как обычно, что-то сжалось, стоило мне подумать, что у Падара есть другая жизнь, где мне нет места. Инте-

⁷ *Шаб-е Ялда* — один из самых важных семейных праздников в Иране, Афганистане и некоторых других странах. История праздника насчитывает уже несколько тысяч лет. Он отмечается в день зимнего солнцестояния. В основе праздника Шаб-е Ялда лежит символизм самой длинной ночи в году и следующего за ней неизбежного удлинения светового дня.